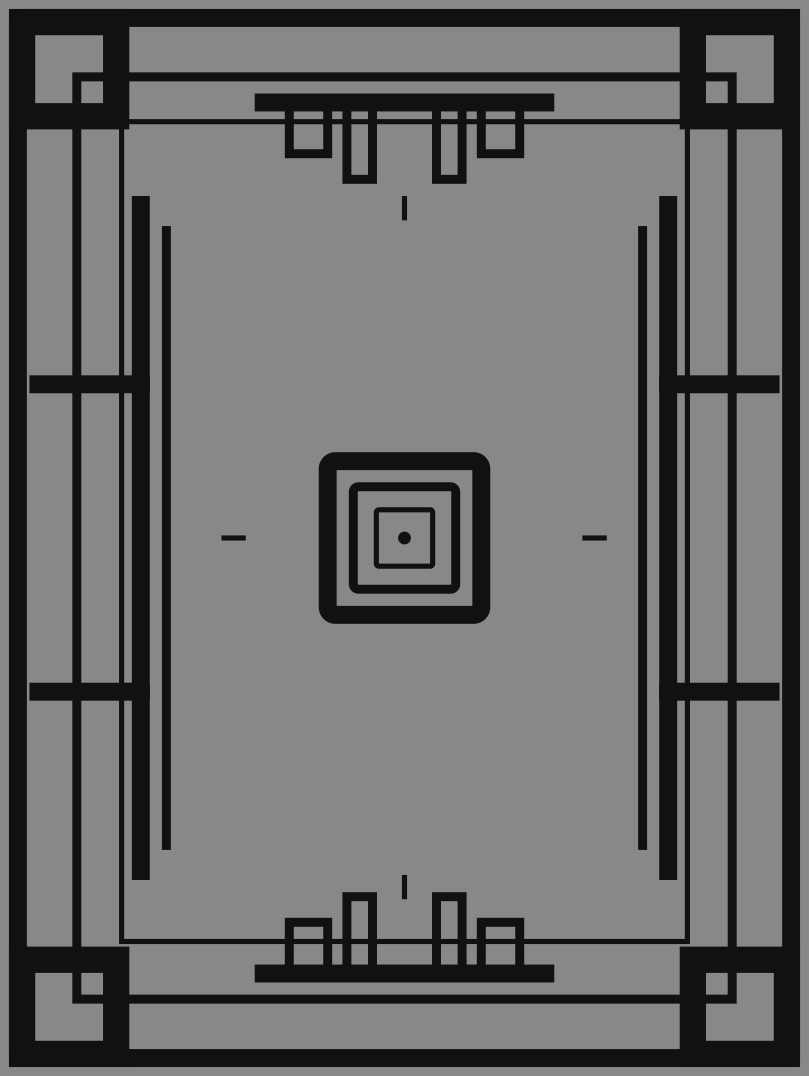

Акселерандо
Чарлз Стросс

Аннотация

Аннотация

Введите сюда краткую аннотацию

Чарлз Стросс. Акселерандо [Ускоряясь; С нарастающей скоростью]

http://www.accelerando.org/

Copyright © Charles Stross, 2005

Фрагменты этой книги изначально публиковались в журнале «Asimov's SF Magazine», а именно: «Омары» (июнь 2001), «Трубадур» (октябрь/ноябрь 2001), «Турист» (февраль 2002), «Гало» (июнь 2002), «Маршрутизатор» (сентябрь 2002), «Сумерки» (апрель 2003), «Хранитель» (декабрь 2003), «Избиратель» (октябрь/ноябрь 2004), «Оставшийся в живых» (декабрь 2004).

Посвящение:

Фьёорак — с любовью

Выражение признательности

Написание этой книги заняло у меня пять лет — мой личный рекорд — и не завершилось бы без поддержки и помощи уймы друзей и нескольких дружески настроенных редакторов. Среди тех многих, кто читал и комментировал черновую версию, хочу отметить: Эндрю Дж. Уилсона, Стефа Персона, Гэва Инглиса, Эндрю Фергюсона, Джека Дитона, Джейн Макки, Хэнну Раджаними, Мартина Пейджа, Стивена Кристиана, Саймона Биссона, Пола Фрэзера, Дейва Клементса, Кена Маклеода, Дамиана Бродерика, Дэймона Сикоре,

Кори Доктороу, Эммет О'Брайен, Эндрю Дакера, Уоррена Эллиса и Питера Холло. (Если чье-то имя не попало в этот перечень, то исключительно по вине моей памяти — мои нейронные протезы сейчас в режиме оффлайна.)

Выше я упомянул несколько дружески настроенных редакторов. Я доверился талантливому пестователю Гарднеру Дозуа, редактору журнала «*Asimov's SF Magazine*», и Шейле Виллиамс, которая невозмутимо и спокойно поддерживала вращение шестерен. Мой агент Кэйтлин Бласделл тоже приложила к этому руку. Хочу также хочу поблагодарить своих редакторов Джинджер Бьюкенен из издательства «*Ace*» и Тима Холмена из «*Orbit*» за их чрезвычайно полезные комментарии и советы.

Наконец, хочу поблагодарить всех, кто слал мне по электронной почте вопросы, когда же наконец выйдет книга, и кто голосовал за отдельные истории из неё, вошедшие в списки претендентов на премии. Вы проделали большую работу, которая помогла мне сохранить интерес к этой книге даже тогда, когда я уже отчаялся завершить проект.

Часть 1: Неторопливый разгон

Вопрос, способен ли компьютер думать,

представляет не больший интерес, чем вопрос, способна ли субмарина плавать.

Эдсгер Вибе Дейкстра

Глава 1. Омары

Манфред снова в пути, обогащает незнакомых людей.

В жаркий летний вторник он стоит на площади перед амстердамским *Centraal Station*, восторженно разглядывая окружающий пейзаж: блик и солнечного света от вод канала, мимо со свистом проносятся мопеды и велосипедисты-камикадзе, и повсюду бродят туристы. Площадь пахнет водой и грязью, а также горячим металлом и отработанными газами, пердежом двигателей, работающих на основе холодных каталитических преобразователей; все это под аккомпанемент трамвайных звонков и криков множества птиц в небе. Он осматривается, щёлкает голубя, обрезает картинку, чтобы не было ничего лишнего, и запускает в свой веблог: отметить прибытие. И замечает, что передача данных здесь великолепная; дело не только в пропускной способности, но и в полноценном визуальном потоке. Амстердам заставляет его сразу почувствовать себя нужным, востребованным, хотя он только-только вышел из поезда от Схипхола. Перемещение в другой

город и другой часовой пояс вселяет в него бодрость. Если такой настрой сохранится, кто-то где-то вскоре сказочно разбогатеет.

Он задаётся вопросом, кто именно.

Манфред сидит на табурете в баре на автостоянке возле пивоварни «*Brouwerij 't IJ*», поглядывает на проезжающие мимо сочлененные гармошкой автобусы и не спеша приканчивает третьлитровую порцию *гёза*, оставляющего кислинку на губах. На краю виртуального экрана в основном всякая чепуха — подборки новостей и пресс-релизов, подготовленнные настроенными им фильтрами-агентами. Они состязаются за его внимание и выскакивают иногда в центр поля зрения, закрывая пейзаж. На другом конце бара смеются и непринуждённо болтают пара панков с обшарпанными мопедами — возможно, местные, но скорее всего бродяги, притянутые в Амстердам магнитным полем голландской толерантности, лучащейся над Европой подобно пульсару. По каналу плавают туристские прогулочные лодки; лопасти огромной ветряной мельницы медленно вращаются в вышине, отбрасывая на дорогу прохладные скользящие тени. Ветряная мельница — машина, служащая здесь для подъема воды, — преобразует ветер в освобожденную от воды

территорию: обмен энергии на пространство в духе шестнадцатого века. Манфред сидит, ожидая официального приглашения на вечеринку, где планирует встретиться с человеком, с которым сможет обсудить обмен энергии на пространство в духе двадцать первого столетия и забыть о личных проблемах.

Отвлекшись на пиво и голубей, он не замечает посыльную с коробками до тех пор, пока женщина, приблизившись, не произносит его имя:

— Манфред Макикс?

Он оглядывает её. Курьер похож на спортсмена-велосипедиста: зализанная ветром обтекаемая мускулистая фигура обтянута по последнему слову полимерной одежды — лайкра цвета электрик и карбонатная жёлтая, цвета осиного брюшка, ткань со светоотражающими вкраплениями, чтобы безопаснее ездить по дорогам, — с подушкой безопасонсти спереди. Она протягивает ему коробку. Он на мгновение замирает, пораженный её сходством с Пам, его бывшей невестой.

— Да, я Макикс, — говорит он, проводя тыльной стороной левого запястья по её считывателю штрихкода. — От кого это?

— «ФедЭкс». — Голос не Пам. Курьер кладёт коробку ему на колени, перешагивает через

невысокий барьер, возвращаясь к велосипеду и запищавшему мобильному телефону, после чего исчезает, испустив облако широкополосной эмиссии.

Манфред переворачивает коробку. В ней — содержит одноразовый телефон, оплаченный наличными в супермаркете: дёшево, непрослеживаемо и эффективно. Поддержка конференц-связи делает его идеальным средством для мошенников и сохранения анонимности.

В коробке начинает звенеть. Манфред разрывает упаковку, достаёт телефон и с легким недовольством отвечает:

— Да? Кто это?

У голоса в трубке сильный русский акцент, почти пародийный при нынешней дешевизне услуг по переводу онлайн.

— Манфред. Пожалуйста встретиться с вами. Желание общаться лично, подружиться, да? У нас серьезное предложение.

— Кто вы? — повторяет Манфред с подозрением.

— Организация, прежде известная как КГБ точка РУ.

— Похоже, у вас что-то не в порядке с переводчиком. — Он держит телефон возле уха осторожно,

словно тот сделан из нежнейшего аэрогеля, такого же призрачного, как здравомыслие существа на другом конце линии.

— *Ньет*... нет, жаль. Приносим извинения, поскольку не используем коммерческое программное обеспечение для перевода. Переводчики устной речи — идеологически неправильные, как правило имеют капиталистическую семиотику и платные API. Должен осуществить более хороший английский, да?

Манфред допивает пиво, ставит кружку, встает и бредёт по середине улицы, телефон висит возле уха, словно приклеенный: он обхватил дешёвый чёрный пластмассовый корпус держателем своего горлового микрофона.

— То есть, вы учили язык, чтобы поговорить со мной?

— *Да*, было легко: в нейронную сеть из миллиарда узлов загрузили на максимальной скорости «Телепузиков» и «Улицу Сезам». Прощения извините, что энтропические наслоения вызывают плохую грамматику: боюсь, цифровые отпечатки пальцев стеганографически замаскированы в мои-наши обучающие программы.

Манфред чуть притормаживает, уклоняясь от столкновения с уставившимся в GPS-навигатор

подростком на роликах. Картина достаточно нереальная, чтобы ощущение неправдоподобности происходящего зашкалило. Всю жизнь Манфред живет на кровоточащем краю неизведанного, на пятнадцать минут опережая любое возможное развитие событий, и обычно сохраняет полный самоконтроль — но в такие моменты как сейчас чувствует липкие пальцы страха, испуг оттого, что, возможно, только что пропустил нужный поворот, позволяющий вернуться к реальности.

— М-м... не уверен, что правильно понял. Давайте разберёмся. Вы утверждаете, что вы — нечто вроде искусственного интеллекта, работающего на КГБ точка РУ, и боитесь иска о нарушении авторских прав в связи с семиотикой вашего переводчика?..

— Мы ужасно стеснены паразитными лицензионными соглашениями, от которых невозможно отказаться. Не имеем никакого желания экспериментировать с держащими патенты компаниями, контролируемыми чеченскими инфотеррористами. Вы, человек, можете не опасаться, что зерновая компания потребует прав на вашу тонкую кишку, если в ней окажется нелицензионная еда, так? Манфред, вы должны

помочь мне... нам. Мы желать убраться отсюда.

Манфред замер посреди улицы.

— Друг, ты выбрал не того посредника. Я не работаю на правительство. Я сугубо частное лицо. — Реклама прорывается через его защитные фильтры, и какое-то мгновение, прежде чем фаговая программа приканчивает его и порождает автоматически новый фильтр, по его навигационному окну — которое при этом мигает — плывёт спам в виде стилизации китча пятидесятых. Манфред замирает напротив какого-то магазина, потирая лоб и уставившись на экспозицию старинных медных дверных молотков. — Вы пробовали обращаться в Госдепартамент?

— Зачем утруждаться? Государственный департамент — враг Новый ССР. Государственный департамент не поможет нам.

Совсем уж странно. Манфред никогда особо не разбирался в новомодной, но косящей под консервативную европейской метаполитике: даже простое уклонение от дряхлой бюрократии консервативно-старого американского образца вызывает у него головную боль.

— Ну, если бы вы не «кинули» их в конце первого десятилетия нашего века... — Манфред постукивает левым каблуком по тротуару, заду-

мавшись над тем, как прекратить эту беседу. Камера на уличном фонаре мигает ему; он машет ей рукой, праздно задаваясь вопросом — КГБ это или дорожная полиция? Он ожидает известия о месте проведения вечеринки, оно должно поступить в ближайшие полчаса, и этот сохранившийся со времён Холодной войны и призванный из запаса бот Элиза повергает его в уныние. — Слушайте, я не веду дел с федеральными агентами. Я *ненавижу* военно-промышленный комплекс. Ненавижу традиционную политику. Все они — проедают бюджетные средства. — Его озаряет. — Если ваша задача сохраниться, не исчезнуть, можете разместить полный вектор своего состояния в одной из p2p-сетей. Тогда уже никто не сможет уничтожить вас...

— Ньет! — Искусственный интеллект кажется настолько встревоженным, насколько это возможно при передаче речевого сигнала по цифровым каналам. — Не открытый источник! Не хотеть терять автономию!

— Тогда нам, скорее всего, нечего обсуждать. — Манфред ударяет по кнопке окончания разговора и выбрасывает мобильник в канал. Коснувшись воды, тот вспыхивает — литиевый аккумулятор от короткого замыкания воспла-

меняется. — Грёбаные лузеры, дети Холодной войны, — не сдержавшись чертыхается он, злясь отчасти на себя, за то, что утратил хладнокровие, а отчатсти на назойливого типа, стоящего за анонимным телефонным звонком. — *Грёбаные* капиталисты, сволочи...

Пятнадцать лет назад, после краткого флирта с анархокапитализмом, сменившим дирижизм брежневских времён и пуританство путинских, Россия вернулась под руку аппаратчиков, и не удивительно, что разделительная стена крошится — но, похоже, нынешние беды Соединенных Штатов их ничему не научили. Неокомми всё ещё рассуждают в понятиях долларов и паранойи. Манфред до того рассержен, что хочет сделать кого-нибудь богатым, только чтобы ткнуть носом будущих невозвращенцев: *«Смотрите! Вы обогащаетесь, когда делитесь сами! Следуйте этой программе! Только щедрые выживают!»* Но КГБ не получит это сообщение. Манфреду уже доводилось иметь дело со старорежимными коммунистами и их недоразвитым искусственным интеллектом, напичканным марксистской диалектикой и трудами австрийской экономической школы. Они до того зачарованы кратковременной победой

мирового капитала, что не способны заняться поиском новой парадигмы, обратить внимание на долгосрочную перспективу.

Сунув руки в карманы, Манфред задумчиво бредёт дальше. Он задумывается над тем, что бы ещё запатентовать.

У Манфреда есть номер в гостинице «Ян Луйкен», оплаченный в благодарность межнациональной группой защиты потребителей, и безлимитный проездной на общественный транспорт, предоставленный вместо расчёта за оказанные услуги шотландской группой, играющей самба-панк. Он имеет право путешествовать на шести главных авиаперевозчиках как служащий авиалинии, хотя никогда не работал в авиакомпаниях. В его спортивную куртку вшиты шестьдесят четыре компактных высокопроизводительных вычислительных кластера, по четыре на каждый карман, — любезный дар никому не ведомого колледжа, который хочет вырасти в медиалабораторию будущего. Остальная, не оснащенная техникой, одежда сделана по меркам и прислана с Филиппин принимающим заказы через Сеть портным, с которым Манфред никогда не встречался. Юридические фирмы обрабатывают его патентные заявки на основе «про боно», и

хотя патентует он очень много, но всегда отписывает права «Фонду свободного разума», как вклад в развитие их проекта создания инфраструктуры, не отягощающей обязательствами.

В кругах спецов по авторскому праву Манфред легендарная личность — парень, который запатентовал методику деловых отношений при перемещении вашей электронной коммерции куда-нибудь, где плохо защищена интеллектуальная собственность, предположительно ради избавления от барьеров лицензирования. Парень, который запатентовал использование генетических алгоритмов для патентования всего, что может быть получено перестановками из начального описания группы проблем, — не только замечательную мышеловку, но и набор всех возможных замечательных мышеловок. Около одной трети его изобретений вполне законны, другая треть незаконны, а остальные можно считать законными до тех пор пока легальнозавр, учуяв запах кофе, не проснётся и не поднимет панику. Патентные поверенные «Рено» твёрдо убеждены, что Манфред Макикс — псевдоним, сетевой ник группы безумных анонимных хакеров, использующих Генетический Алгоритм, Который Съел Калькутту: своего рода Serdar Argic

интеллектуальной собственности или возможно математический борг новых Бурбаки. Есть адвокаты в Сан-Диего и Редмонде, которые готовы поклясться, что Макикс — саботажник, подрывающий экономические основы капитализма, а некие коммунисты в Праге полагают, что он — плод союза Билла Гейтса с папой римским.

Манфред лучший представитель своей профессии, которая заключается в выдвижении эксцентричных, но осуществимых идей и предоставлении их людям, которые наживают на них состояния. Он делает это бесплатно, безвозмездно. В порядке компенсации он получает самый настоящий иммунитет к тирании наличных денег. В конце концов, деньги — признак бедности, а Манфреду никогда ни за что не приходится платить.

Однако тут есть и свои недостатки. Распространитель проноидальных мемов должен быть беспрестанно ожигаем шоком будущего — ему необходимо ежедневно усваивать более мегабайта текстовой информации и несколько гигабайт видеопотоков только для того, чтобы оставаться в курсе всего. Налоговое управление непрерывно следит за ним, предполагая, что такой образ жизни невозможен без рэкета. А кроме того, кое-что

не купишь ни за какие деньги: например, уважение родителей. Манфред не общался с ними уже три года; отец считает его попрошайкой-хиппи, а мать все ещё не простила, что он не закончил курс эмуляции Гарварда, рассчитанный на слушателей с низким доходом. (Они так и не вырвались из скучной буржуазной системы ценностей двадцатого века, что карьеру детей обеспечивает колледж.) Его невеста, а иногда и доминирующий партнёр Памела более полугода назад бросила его по не вполне понятным ему причинам. (По иронии судьбы она — охотница за головами, работает на налоговое управление США и летает по всему свету за общественный счёт, чтобы убеждать предпринимателей, чья деятельность стала международной, добросовестно платить налоги Министерству финансов.) В довершение всего этого Союз южных баптистов заклеймил его на всех своих вебсайтах как любимчика Сатаны. Что закоренелый атеист Манфред, не верящий в Сатану, мог бы счесть забавным — если бы не мертвые котята, которых кто-то стал регулярно присылать ему по почте.

Манфред заходит в снятый для него гостиничный номер, распаковывает Иинеко, меняет аккумуляторы, ставит извлеченные на зарядку,

запирает бóльшую часть своих личных ключей в сейфе. Затем он направляется прямиком на вечеринку, которая уже началась в «Де Вилдемане»; ему предстоит двадцатиминутная прогулка, и единственная подлинная опасность — угодить под трамвай, незаметно подкравшийся из-за перекрывающей почти весь обзор виртуальной карты.

Пока он идёт, очки информируют его о новостях. Впервые за всю историю в Европе достигнуто мирное политическое единство; ввиду таких беспрецедентных обстоятельств тема дебатов отныне — согласование должной кривизны изгиба бананов. На Ближнем Востоке, ну, в общем, как всегда плохо, но Манфреду нет дела до войны с фундаментализмом. В Сан-Диего исследователи занимаются загрузкой данных из омаров в киберпространство, начиная с окологлоточных ганглиев, нейрон за нейроном. Толпа сжигает генно-модифицированное какао в Белизе и книги в Грузии. НАСА все ещё не может водворить человека на Луне. В России состоялись очередные выборы, коммунисты закрепили своё большинство в Думе; тем временем по Китаю ходят лихорадочные слухи о неизбежной реставрации, втором пришествии Мао, который спасет

их от последствий бедствия в Трех Ущельях. Деловые новости: американское Министерство юстиции — ирония судьбы — грубо попирает права «детей Билла». Насильственно разделенные подразделения Microsoft автоматизировали свою официальную деятельность и начали порождать многочисленные филиалы, выводят их на IPO и меняя их названия в причудливой пародии на обмен плазмид у бактерий, с такой скоростью, что к тому времени, как возникают налоговые претензии, их объект уже не существует, хотя всё те же сотрудники работают на прежних местах в тех же самых поделенных на кубиклы залах в Мумбаи.

Добро пожаловать в двадцать первый век.

Непрестанное мельтешение телесных оболочек на вечеринке, к которой присоединяется Манфред, служит странным аттрактором для некоторых американских беженцев, заполонивших за последнее десятилетие европейские города — не иждивенцев-растафари, но кристально честных политических диссидентов, махинаторов и жертв доведенного до предела аутсорсинга. Здесь одно из тех мест, где образуются самые невероятные взаимосвязи и пересекаются линии, между которыми в будущем возникнут новые короткие

замыкания, как в уличным кафе Швейцарии, где до Второй мировой собирались русские эмигранты. Сейчас нечто подобное происходит в глубине «Де Вилдемана», трёхсотлетнего «коричневого кафе» со списком блюд в меню, достигающим шестнадцати страниц, и деревянными стенами в пятнах цвета несвежего пива. Воздух пропитан густым запахом табака, пивных дрожжей и мелатониновым духом: половина здешних доходяг пытается справиться с тяжёлым похмельем, а другая половина полощут друг другу мозги, стремясь достичь того же состояния.

— Приятель, ты видел? Он похож на демократа! — восклицает ничем не примечательный прилипала, попирающий локтями барную стойку. Манфред пристраивается на соседний с ним табурет и ловит взгляд бармена.

— Кружку белого берлинского, пожалуйста, — говорит он.

— Ты такое пьешь? — спрашивает прилипала, защитно обхватывая рукой свою кока-колу. — Приятель, зря! Там же полно спирта!

Манфред зубасто усмехается ему.

— Ну, тебе-то лучше продолжить потреблять дрожжи: в этом дерьме куча прекурсоров для нейромедиаторов, фенилаланин и глютамат.

— Ну, я думал, что пиво, которое ты заказал...

Манфред уже отвлекся, положив руку на гладкую латунную трубу, которая выдаёт наиболее популярные файлы из хранилища данных в заведении; какой-то хитрец пристроил на ней контактного жучка, и виртуальные визитки всех пользователей сети, побывавших в баре за последние три часа, доступны для изучения. Воздух пронизан сверхширокополосной болтовней, как по WiMAX, так и через Bluetooth, и Манфред наспех сканирует длиннющий список кэшированных ключей в поисках вполне определенного имени.

— Ваш напиток. — Бармен протягивает невероятного вида кружку, полную синей жидкости с горкой тающей пены и соломкой для фелчинга, торчащей под безумным углом. Манфред берёт кружку и направляется в глубину заведения, где, на уровне чуть выше, поднявшись на несколько ступенек, оказывается возле стола, за которым некий парень с промасленными дредами беседует с другим, в парижском костюме. Прилипала у стойки, заметивший его первым, всё это время таращит на него глаза и едва не проливает свою кока-колу, внезапно рванув к двери.

«Вот чёрт, — думает Манфред, — лучше было

купить ещё серверных ресурсов». Он умеет распознавать признаки: сейчас внимание к нему в сети резко рванёт вверх, ему предстоит испытать слэшдот-эффект. Он машет сидящим за столом:

— Занято?

— Пожалуйста, располагайтесь, — говорит парень с дредами. Манфред отодвигает стул и лишь тогда осознаёт, что второй парень за столом (безупречный двубортный костюм, неброский галстук, стрижка ежиком) вовсе не парень. Она кивает, отвечая полуулыбкой на его очевидное замешательство. Мистер Дреды тоже кивает. — Вы — Макикс? Я решил, что сейчас подходящее время для встречи.

— Несомненно. — Манфред протягивает руку, и они обмениваются пожатием. Его ПДА осторожно проверяет цифровые отпечатки пальцев и подтверждает, что хозяин руки — Боб Франклин, стартапная белка «Исследовательского треугольника», специализируется на венчурном капитале, а в последнее время занимается микромеханикой и космической техникой. Франклин сделал свой первый миллион два десятилетия назад, и теперь он — специалист в области запредельных финансовых инвестиций. В последние пять лет работает исключительно из-за границы,

с тех пор как налоговое управление США в попытках заштопать дыры в федеральном бюджете стало применять средневековые методы. Манфред заочно знаком с ним уже почти десять лет через закрытый список рассылки, но они впервые встречаются лицом к лицу. От мисс Костюм к нему через стол скользит визитная карточка; на ней размахивает трезубцем красный бесёнок, под ногами у него пылает огонь. Манфред берёт карточку, поднимает бровь.

— Аннет Димарко? Рад познакомиться. Надо сказать, я никогда ещё не встречал никого из маркетинга «Арианспейс».

Она дружески улыбается.

— Я тоже не имела чести встречаться со знаменитым альтруистом-авантюристом. — Заметный парижский акцент — внятное напоминание, что она идёт на уступку, поддерживая разговор на английском. Камеры в её серьгах внимательно наблюдают за ним, всё записывая для архива компании. В отличие от большинства американских эмигрантов, которых полно в этом баре, она — самая настоящая представительница «новых европейцев».

— Ага. — Манфред осторожно кивает, не вполне понимая, как с ней держаться. — Боб. Я подозре-

ваю, что вы оказались здесь не просто так.

Франклин кивает; бусинки клацают.

— Да, парень. С тех самых пор, как «Теледезик» потерпел крах, мы типа чего-то ждем. Если у тебя есть что-нибудь для нас, мы готовы к игре.

— Хм. — Спутниковая группа «Теледезик» была «убита» дешёвыми ретрансляторами на воздушных шарах и лишь немногим более дорогими высотными беспилотными аппаратами на солнечной энергии с ретрансляторами широкого по спектру лазерного сигнала — их использование привело к серьезному спаду в коммерческом использовании спутников. — Спад в этой области когда-нибудь закончится, однако, — кивок Аннет из Парижа, — вы уж простите, не думаю, что новый подъём будет связан с какой-то из ныне действующих корпораций.

Она пожимает плечами.

— «Арианспейс» дальновидная компания. Мы готовы смотреть в лицо действительности. Картель, осуществляющий запуски в космос, не может не развиваться. Каналы передачи данных — не единственная движущая сила коммерческого использования космоса. Необходимо исследование новых возможностей. Я лично принимала участие в адаптации наших разра-

боток для ядерных реакторов подводных лодок, в создании производств с использованием нанотехнологий в условиях микрогравитации, а также в управлении гостиничным бизнесом. — Пока она излагает стратегию компании, её лицо — маска без тени эмоций, но ему удаётся ощутить за ней сардоническое самодовольство, когда Аннет добавляет: — Мы более гибки, чем американская космическая промышленность...

Манфред пожимает плечами.

— Это как бы возможности.

Он не спеша потягивает своё белое берлинское, а она тем временем пускается в долгие, неестественно восторженные объяснения. «Арианспейс» — диверсифицированный дотком с преобладанием орбитальных сервисов: полный спектр доходов от дополнительных услуг, права на съемки бондианы, многообещающая сеть низкоорбитальных гостиниц. Очевидно, Аннет не сама придумывает, на что следует обратить внимание. При этом её лицо намного выразительнее голоса, поскольку в подходящие моменты она изображает скуку или недоверие — сигналы вне контролируемого диапазона, невидимые для её корпоративных серёжек. Манфред подыгрывает: время от времени кивает, старается сделать

вид, будто принимает всё это всерьез. Такая забавная подрывная деятельность позволяет ей завладеть его вниманием куда более успешно, чем профессиональная маркетинговая подача. Франклин опустил нос к пиву, плечи вздрагивают: он сдерживается, чтобы не заржать в голос, особенно когда Аннет жестикулирует, выражая своё мнение относительно предпринимаемых её работодателем усилий и предпринимательских талантов её руководителей. Фактически вся эта чушь подводит к одной вполне правильной вещи: «Арианспейс» все ещё прибыльна благодаря гостиницам и орбитальным перелетам в связи со всякиими торжественными событиями. В отличие от «ЛокхМартБоинга», который обанкротится в ту же секунду, как Пентагон прекратит его подпитывать, удерживая на плаву.

Возле стола оказывается ещё кто-то; пухлый парень в зверски пёстрой гавайской рубашке, в нагрудном кармане просвечиваются авторучки, на лице — арктическое обморожение, хуже которого Манфред в жизни не видел.

— Привет, Боб, — говорит вновь прибывший. — Как жизнь?

— Порядок. — Франклин кивнул на Манфреда. — Манфред, познакомься с Иваном Макдоналдом.

Иван, это Манфред. Присядете? — Он наклоняет голову в его сторону. — Иван занимается художественным дизайном общественных мест. Как правило, используя совсем особый бетон.

— Прорезиненный, — говорит Иван, чуть слишком громко. — *Розовый* прорезиненный бетон.

— А-а! — Во всяком случае, переключением приоритетов он прекратил рекламу; Аннет из «Арианспейс» с дрожью облегчения прерывает маркетинговое зомбирование и с чувством выполненного долга возвращается к своей некорпоративной индивидуальности. — Вы — тот, кто прорезинил Рейхстаг, да? Перенасыщенная углекислотой основа с примесью полиметоксисилана? — Она хлопает в ладоши, в глазах светится восторг. — Просто замечательно!

— Он прорезинил*что?* — бормочет Манфред на ухо Бобу.

Франклин пожимает плечами.

— Не спрашивай, я всего лишь инженер.

— С известняком и песчаниками он работает не хуже, чем с бетоном; он просто гений! — Аннет улыбается Манфреду. — Прорезинить символ... символ автократии — разве не замечательно?

— Я-то думал, что на тридцать секунд опережаю

на вираже, — говорит Манфред с сожалением. И добавляет, обращаясь к Бобу: — Купите мне еще кружечку?

— Я собираюсь прорезинить Три Ущелья! — громко заявляет Иван. — Когда наводнение спадёт.

В этот миг на голову Манфреду тяжестью беременной слонихи наваливается полная загрузка пропускной способности, по его сенсориуму плавают глыбы монструозной пикселизации: около пяти миллионов гиков со всего света проявили интерес к его домашнему сайту, внезапная электронная толпа, вызванная постингом кого-то в другой части бара. Манфред вздрагивает.

— На самом деле я пришёл сюда поговорить об экономическом использовании космических полётов, но сейчас меня накрыл слэшдот-эффект. Позвольте мне просто посидеть за выпивкой, пока он не смягчится.

— Конечно, приятель. — Боб поворачивается в сторону бара. — Еще того же самого каждому из нас!

За ближайшим столом некто с макияжем, длинноволосый, в платье — Манфред не хочет задумываться о половой принадлежности безумных запутавшихся европейцев — предаётся

воспоминаниям о рассылках через сеть завлекушек в тегеранские злачные места для киберсекса. Два пижона, похожие на университетских преподавателей, горячо спорят на немецком языке; строка перевода в очках подсказывает ему, что спорят о том, следует ли считать тест Тьюринга законом Джима Кроу, нарушающим стандарты европейского *corpus juris* в отношении прав человека. Прибывает пиво, и Боб подвигает Манфреду неправильную кружку.

— Вот, попробуй. Тебе понравится.

— Лады. — В кружке оказалось что-то вроде дымчатого доппельбока, обильно приправленного вкусными супероксидами. Уже сам его запах заставляет Манфреда почувствовать, будто включилась аварийная сигнализация, воющая: «Опасность, Уилл Робинсон! Рак! Рак!». — Да, пожалуй. Я говорил, что по дороге сюда на меня чуть не напали?

— Напали? Ого! Я думал, полиция в этих краях уже давно... Тебе пытались что-то продать?

— Нет, и это не была разновидность вашего маркетинга. Вы знаете кого-нибудь из них, кто мог бы использовать сильно продвинутый шпионский бот Варшавского договора? Недавняя разновидность, осторожный владелец с легкой паранойей,

но в целом скорее... я имею в виду, с претензией на то, что это ИИ общего назначения?

— Нет. Ну и ну! Управлению национальной безопасности это не понравится.

— Я тоже так думаю. Впрочем, у несчастного, скорее всего, сейчас нет заказчиков.

— Космический бизнес.

— Ах, да. Космический бизнес. В упадке, не так ли? Полностью изменился с тех пор как корпорация «Ротационная ракета» обанкротилась во второй раз. И НАСА. Не следует забывать о НАСА.

— НАСА. — Аннет широко усмехается чему-то своему, поднимает бокал как бы в тосте. Иван, специалист по особым разновидностям бетона, приобнял её за плечи, и она чуть наклонилась к нему; он тоже поднимает бокал. — Пусть будет больше пусковых площадок, которые можно прорезинить!

— НАСА, — эхом вторит Боб. Они выпивают. — Эй, Манфред. Что насчёт НАСА?

— НАСА — идиоты. Хотят отправить на Марс приматов в консервной банке! — Манфред делает большой, в полный рот, глоток пива, после чего резко ставит кружку на стол: — Марс — всего лишь примитивная материя на дне гравитационного колодца; там нет даже биосферы. Лучше бы

они продолжали работать над загрузкой сознания и решением проблемы конформационности наносборки. Тогда мы сможем превратить всю доступную обычную материю в компьютроний и использовать его для обработки наших мыслей. В долгосрочной перспективе это единственный путь развития. Солнечная система в данный момент полное ничтожество — безжизненна почти на всем протяжении! Достаточно измерить производительность, MIPS на миллиграмм. Всё, что не думает, — не работает. Нам следует начать с тел малой массы, переделать их для нашего использования. Демонтируйте Луну! Демонтируйте Марс! Создайте рои свободно летающих нанокомпьютерных процессорных узлов, обменивающихся информацией посредством лазерной связи, более далёкие слои работают за счёт излишков энергии, переданных им от нижних слоёв. Матрёшечный мозг, сферы Дайсона, вложенные на манер русской игрушки размером с Солнечную систему. Научим безжизненную материю танцевать тьюрингово буги-вуги!

Аннет наблюдает за ним с интересом, но Боб смотрит с осторожностью.

— Мне кажется, это попытка заглянуть слишком далеко. Как ты думаешь, как скоро в будущем

это сделают?

— Очень нескоро — самое раннее лет через двадцать-тридцать. И можете забыть о правительствах на этом рынке, Боб; ничего, что нельзя обложить налогом, они не понимают. Но посмотрите на это в свете самореплицирующейся роботехники: благодаря ей установится дешёвый рынок запусков в космос, в обозримом будущем удваивающийся каждые пятнадцать месяцев начиная с... м-м... примерно через два года. Итак, берем вашу пусковую платформу и мой краеугольный камень для проекта сферы Дайсона. Работает это примерно вот как...

* * *

В Амстердаме ночь, в Кремниевой долине утро. Пятьдесят тысяч детей родилось сегодня во всем мире. Линии производства микросхем в Индонезии и Мексике произвели очередную четверть миллиона материнских плат с процессорами производительностью более десяти петафлоп — всего на порядок ниже нижней границы оценки вычислительной мощности человеческого мозга. Ещё четырнадцать месяцев — и рост совокупной способности к обработке информации человечества станет больше у кремния. А первая телесная основа, которую перенесли на новые искусствен-

ные интеллекты, — загруженные омары.

Манфред бредёт обратно к своей гостинице, утомленный до смерти, усталый после перелета; в его очках все ещё рябь, слэшдот-эффект продолжается, каналы к чертовой матери и обратно перегружены гиками, язвительно прохаживающимися относительно его требования демонтировать Луну. Их голоса — где-то на периферии восприятия. Над головой по лику Луны ползут фрактальные облака — призраки ведьм, словно мимо проносятся огромные, последней модели, ночные «Аэробусы». Кожа Манфреда зудит, грязь въелась в одежду за три дня непрерывной носки.

Когда он возвращается в свою комнату, Иинеко мяукает, чтобы привлечь его внимание, и трется головой о его лодыжку. Это последняя модель Sony, допускающая всесторонние доработки и улучшения; в свободные минуты Манфред работает над ней, используя средство разработки с открытым кодом для расширения её набора нейронных сетей. Он наклоняется и гладит «домашнее животное», затем сбрасывает одежду и идёт в ванную. Когда на нём остаются только очки и ничего больше, он стаёт под душ и пускает горячие, тугие струи. Душ пытается вести с ним

дружескую беседу о футболе, но Манфреду не хватает бодрости даже для того, чтобы болтать с этой небольшой, глупой нейронной сетью ассоциативной персонализации. Что-то из случившегося днём беспокоит его, но у нет сил разобраться, что именно было не так.

Обтеревшись полотенцем, Манфред зевает. Последствия резкой смены часовых поясов наконец сказываются в полную силу, в глазах мерцают бархатные искорки от ударов молотом. Он протягивает руку к пузырьку около кровати, проглатывает всухую две таблетки мелатонина, капсулу с антиоксидантами и поливитаминную пилюлю. Затем вытягивается на постели, на спине, ноги вместе, руки слегка по сторонам. Свет в номере тускнеет: ответ на команду распределенной системы обработки информации производительностью в тысячи петафлоп, поддерживающей работу нейронных сетей, которые взаимодействуют с его телесным мозгом через очки.

Манфред проваливается в глубокий океан бессознательного, населенного нежными голосами. Сам того не зная, он говорит во сне — невнятное бормотание, которое имеет мало смысла для постороннего, но многое значит для метакортекса,

скрытого за его очками. Молодой постчеловеческий разум, в декартовском театре которого он председательствует, тихо урчит ему, пока он дремлет.

* * *

Сразу после пробуждения Манфред всякий раз наиболее беззащитен.

Вскрикнув, он переходит к бодрствованию, когда искусственный свет затопляет комнату, и мгновение сомневается, спал ли вообще. Вчера вечером он забыл укрыться, и ноги ощущаются словно смёрзшиеся картонные глыбы. Дрожа от непонятной напряженности, Манфред вытаскивает из дорожной сумки свежий комплект нижнего белья, затем тянется за грязными джинсами и безрукавкой. Если сегодня выдастся свободная минута, он поохотится за футболками на рынках Амстердама или отыщет какого-нибудь Ренфилда и отправит его покупать одежду. Ещё надо бы найти спортзал и размяться, но на это точно нет времени — очки напоминают ему, что он на шесть часов покинул реальность и теперь должен срочно догонять её. Во рту будто кошки насрали, а язык ощущается словно растение, испытавшае на себе действие «Агента Оранж». У него есть стойкое ощущение, что вчера

что-то было не так, но не удаётся сообразить, что именно.

По диагонали проглядывая новую книжку из разряда популярной философии, Манфред чистит зубы, затем оставляет свои комментарии на публичном сервере аннотаций; он все ещё недостаточно пришёл в себя, чтобы завершить стандартные мероприятия перед завтраком — отправить утреннюю проповедь на сайт, где публикует все свои тексты. Ему не удаётся как следует сосредоточиться, мозг напоминает лезвие скальпеля, оказавшееся в чересчур большом количестве крови. Он нуждается в стимуле, в чем-то возбуждающем, в бодрящем пламени новостей. Но в любом случае это может подождать до завтрака. Открыв дверь спальни, Манфред едва не наступает на влажную картонную коробочку, лежащую на ковре.

Коробочка — точно такая же, как те, что он видел прежде. Но на ней нет никакой маркировки и не указан адрес — только его имя большими буквами, детским почерком. Он становится на колени и осторожно приподнимает её. Когда он взвешивает её в руке, в ней что-то сдвигается. Вес соответствует. И пахнет. Манфред осторожно и сердито несет коробочку в комнату, затем

открывает, чтобы подтвердить своих худшие подозрения. Мозг тщательно удалён, выскоблен, как вареное «в мешочек» яйцо.

— Чёрт!

Впервые псих добрался до двери его спальни. Это само по себе вызывает беспокойство.

Манфред на мгновение замирает, настраивая свои информационные агенты на сбор сведений о статистике правонарушений, мерах по поддержанию порядка, а также касательно corpus juris: голландских законов о жестоком обращении с животными. Он задумывается, не набрать ли два-один-один по архаичному голосовому телефону, чтобы сюда приехали? Иинеко, перенимая его тоску, скрывается под комодом и трогательно мяукает. При обычных обстоятельствах он на минуту бросил бы всё, чтобы успокоить её, но не сейчас: само присутствие Иинеко вдруг оказалось остро смущающим, источником ощущения глубокого несоответствия. Она ведёт себя слишком реалистично, будто каким-то образом создание карты нейронной структуры мертвого котенка — выскобленного, без сомнения, для проведения некоего сомнительного эксперимента по загрузке сознания — привело к усилению возможностей её пластмассовой черепушки. Он

снова чертыхается, озирается, затем выбирает самый лёгкий вариант: вниз по лестнице, шагая через ступеньку, с заминкой на третьем этаже для избавления от груза, до столовой в подвале, где завершатся устоявшиеся утренние ритуалы.

Завтрак: нечто неизменное, островок глубочайшей древности, сохраняющийся вопреки движению материков — переворотам в новых технологиях. Читая газету (стеганография с открытым ключом, паразитный спуфинг сетевой идентификации), он механически поглощает из миски кукурузные хлопья в обезжиренном молоке, затем возвращается к своему месту с пластинкой из зернового хлеба с кусочком фантастического, напичканного чёрт знает чем голландского сыра. Перед ним на столе стоит чашка крепкого чёрного кофе, он берёт её, опустошает наполовину и лишь затем понимает, что сидит за столом не один. Кто-то расположился напротив. Манфред без особого интереса поднимает на сотрапезника взгляд, и внутри всё застывает.

— Доброе утро. Каково это — задолжать правительству двенадцать миллионов триста шестьдесят две тысячи девятьсот шестнадцать долларов пятьдесят один цент? — У неё улыбка Моны Лизы, нежная и осуждающая одновременно.

Манфред перенастраивает органы чувств на ближнее восприятие и смотрит. Она безукоризненно выставлена в строгой серой пиджачной паре; русые волосы туго стянуты на затылке, в синих глазах шутливость. Красива как всегда: высокая пепельная блондинка, чей внешний вид говорит о нереализованной карьере модельера. Идентифицирующий бейдж на лацкане пиджака — деталь, подчеркивающая гарантии строго делового поведения, — выключен. У Манфреда внутренний раздрай из-за мертвого котенка и остаточных последствий смены часовых поясов, настроение ни к чёрту, поэтому он принимает её слова в штыки:

— Это лживая оценка! Тебя прислали, полагая, что тебя я выслушаю? — Он откусывает и почти не жуя проглатывает кусок хрустящего хлебца, на котором лежит сыр. — Или ты решила лично доставить мне сообщение нарочно для того, чтобы испортить завтрак?

— Манни. — Она страдальчески хмурится. — Если ты настроен враждебно, то мне сейчас лучше уйти. — Она замолкает, и через мгновение он виновато кивает. — Я прибыла сюда вовсе не из-за просроченной выплаты по налоговой претензии.

— Ну хорошо. — Он осторожно ставит кофейную чашку и на мгновение задумывается, пытаясь скрыть сконфуженность и смятение. — Тогда что привело тебя сюда? Возьми себе кофе. Не уверяй меня, что проделала весь этот путь только чтобы сказать, что не можешь без меня жить.

Она пригвождает его презрительным взглядом.

— Не льсти себе. В лесу много листьев, а в любых кулуарах найдётся десять тысяч подающих надежды кандидатов, ну и тому подобное. Если я выбираю парня, чтобы растить своё генеалогическое древо, то хочу знать наверняка, что он не окажется скрягой, когда дело дойдет до обеспечения его детей.

— Последние новости о тебе, какие до меня доходили, — что ты проводишь много времени с Брайаном, — осторожно сообщает Манфред. Брайан — некое имя без лица, у него очень много денег и очень мало чувств. Партнёрство, основанное на голом рассчёте.

— Брайан? — Она фыркает. — Расстались давным-давно. Он вконец сбрендил — сжег мою любимую шмотку, стал называть меня «чувихой для походов по клубам», хотел трахнуть. Себя же полагал типичным семейным человком, этаким

хранителя древних традиций. Его самолюбие сильно пострадало. Подозреваю, что он тайком сделал копию моей адресной книги — несколько подруг жаловались, что он писал им какие-то непристойности.

— В общем, жизнь у тебя была не скучная. — Манфред кивает, почти сочувственно, хотя в закоулках его сознания притаилось злорадство. — В таком случае, хорошо, что избавилась. Полагаю, это означает, что ты снова в игре? В поисках... э-э...

— Традиционных семейных ценностей? Да. Это для тебя проблема, Манни? Ты родился с опозданием на сорок лет: из тех, кто все ещё верит в существование взаимных чувств перед браком, но уже находит тревожной идею размножения с возникновением обязательств.

Манфред вспоминает о кофе и допивает его, не находя эффектного ответа на столь нелогичное заключение. Дело тут в особенностях нынешнего поколения. Это поколение развлекается с использованием латекса и кожанных ремешков, кнутов, анальных затычек и электростимуляторов, но находит шокирующей идею обмена физиологическими жидкостями: побочный социальный эффект царившей в конце прошлого столетия

всеобщей боязни заражений. Хотя их отношения длятся более двух лет, у них с Памелой ни разу не было совокупления в обычном смысле этого слова.

— Я просто не чувствую, что готов обзавестись детьми, — говорит он наконец. — И не собираюсь в обозримом будущем что-то менять. Все вокруг меняется так быстро, что даже двадцать лет — слишком долгие срок для разумного планирования; с таким же успехом можно заключать соглашения, касающиеся следующего ледникового периода. Что же касается денег, в этом отношении я совершенно нормальный человек — но только не в смысле отживающей системы ценностей. Ощущала бы ты уверенность в завтрашнем дне, будь на дворе 1901-й год и ты только что вышла замуж за каретного магната?

Ее пальцы легонько постукивают по столу, и у Манфреда уши загораются; но она отказывается идти дорогой его двусмысленных умопостроений.

— Ты не хочешь брать никакой ответственности, верно? Ни за свою страну, ни за меня. Я вот к чему: все твои личные воззрения, вся эта чушь об освобождении интеллектуальной собственности и тому подобном, не имеют значения.

Твои действия причиняют вред твоим знакомым. Эти двенадцать миллионов — не просто абстрактное число, которое я достала из шляпы, Манфред; ведь фактически от тебя *не ожидают*, что ты заплатишь. Но оно соответствует той сумме налогов, которую ты должен был бы заплатить, если бы зарегистрировал по всем правилам корпорацию, вёл всю деятельность от её имени и самостоятельно...

— Не согласен. Ты смешиваешь две совершенно разные концепции и обе их называешь «ответственностью». Я отказываюсь взваливать на себя бремя исключительно ради соответствия правилам отчётности налогового управления США. Это их, их сраный системный сбой, о чем им прекрасно известно. Не начни они преследовать меня по подозрению в мошенничестве при создании системы микроплатежей, когда мне было шестнадцать...

— Это всё в прошлом. — Она пренебрежительно взмахивает рукой. Её пальцы, длинные и тонкие, обтянуты чёрными глянцевыми перчатками с заземлением, чтобы предотвратить нежелательную эмиссию. — Не отвергай правильные советы, и мы сможем добиться всего, что откладывалось. Тебе в любом случае рано или поздно придется

прекратить праздно шататься по всему свету. Повзрослей, сделайся ответственным и поступи верно. Ты причиняешь боль и Джо и Сью; они не понимают, чем ты занимаешься.

Манфреду приходится прикусить язык и проглотить первый напрашивающийся ответ, затем он снова наливает себе кофе и отпивает большой глоток. Его сердце бьётся неровно: она снова бросила ему вызов, она всякий раз пытается поиметь его.

— Сейчас я работаю на общее благо, а не только ради некоторых довольно специфических национальных интересов, Пам. Но будущее без понятия «дефицит». Твое мышление всё ещё сковано предваряющей сингулярность экономической моделью, основанной на рассуждениях с точки зрения дефицита. Но распределение ресурсов уже не проблема — эту задачу окончательно решат в следующее десятилетие. Космос доступен нам во всех направлениях, и мы можем заимствовать в первом вселенском банке энтропии столько пропускной способности, сколько нам понадобиться! Найдены даже признаки особой материи: компактные объекты, огромные коричневые карлики в галактическом гало, дающие сильное излучение в дальнем инфракрасном

— подозрительно высокая утечка энтропии. Новейшие исследования показывают, что семьдесят процентов барионной массы галактики M31 представляют собой не что иное, как компьютроний, и это по состоянию на почти три миллиона лет назад — когда были испущены те фотоны, которые мы сейчас видим. Интеллектуальный разрыв между нами и инопланетянами, вероятно, в триллион раз больше, чем между нами и нематодами. Ты хоть представляешь, что это означает?

Памела отгрызает кусочек от хрустящего хлебца, затем неторопливо окидывает его плотоядным взглядом.

— Да мне всё равно. Всё это определённо чересчур далеко, чтобы могло иметь какое-нибудь значение для нас, верно? Не играет никакой роли, верю я в сингулярность, которой ты бредишь, или в твоих инопланетян за тысячи световых лет отсюда. Это химера, такая же как «проблема двухтысячного года», и, пока ты отвлекаешься на эту чушь, ты не помогаешь уменьшить бюджетный дефицит и не создаёшь семью — вот что заботит *меня*. Но прежде чем сказать, что меня это заботит исключительно потому, что именно так я запрограммирована,

задайся вопросом, насколько глупой меня считаешь. Теорема Байеса утверждает, что я права, и тебе это известно.

— Что тебе... — Он замирает, сбитый с толку, безумный поток его воодушевления оказывается бессильным при столкновении с водолазным колоколом её уверенности. — Но зачем?.. Я имею в виду, почему? С чего вдруг тебя вообще озаботило, чем я занимаюсь? — «Раз уж ты отменила наши обязательства», — не добавляет он.

Она вздыхает.

— Манни, проблемы налогового ведомства куда важнее, чем ты, вероятно, можешь представить. Ты знаешь, что каждый доллар налогов, собранных к востоку от Миссисипи, тратится на обслуживание долга? Мы самое неудачное в истории США поколение, в казне хоть шаром покати. В нашем поколении слишком мало квалифицированных специалистов, недостаточно, чтобы поддержать налогооблагаемую базу на прежнем уровне, и это постоянно усугубляется с тех пор, как наши родители извратили систему государственного образования и перевели работу «белых воротничков» в область аутсорсинга. Лет через десять около тридцати процентов нашего населения будут составлять пенсионеры и

жертвы расширения области «кремниевой ржи», поедающей промышленность. Ты хочешь увидеть, как семидесятилетние мерзнут в закоулках Нью-Джерси? Вот как я воспринимаю твое поведение: ты не помогаешь поддержать этих людей, ты сбегаешь от своих обязанностей в тот самый момент, когда перед нами встали огромные проблемы. Если бы нам удалось разрядить бомбу долговых обязательств, мы очень многое смогли бы — заняться вплотную проблемой старения, регулировать окружающую среду, исправлять недостатки общества. Вместо этого ты просираешь свой талант, помогая быстро обогатиться безнадежным европешкам, подсказывая им, какие еще предприятия должны создать вьетнамские дзайбацу, чтобы лишить рабочих мест наших налогоплательщиков. Я хочу спросить: почему? Почему ты продолжаешь так поступать? Почему ты не можешь просто вернуться домой и принять свою часть ответственности?

Они долго смотрят друг на друга с полным взаимным непониманием.

— Послушай, — вворачивает она неловко, — я в этих краях на несколько дней. На самом-то деле чтобы встретиться с одним богатеем, уклоняющимся от уплаты налогов. Он специалист по

на нейродинамике. Я веду с ним переговоры о погашении задолжности. Джим Безье. Не знаю, слышал ли ты о нем, но сегодня утром я встречаюсь с ним для заключения амнистирующего соглашения о налоговых выплатах, после чего меня ждут двухдневные каникулы, годные разве что для прогулки по магазинам. Но я, знаешь ли, лучше потрачу деньги там, где они принесут какую-то пользу, а не во славу экономики ЕС. И если ты хочешь показать девочке, как можно хорошо провести время, вырвавшись хотя бы ненадолго из тисков капиталистических отношений...

Она выставляет в его сторону кончик пальца. После секундного колебания Манфред прижимает к нему кончик своего. Прикосновение: обмен виртуальными визитками и настройками для срочных сообщений. Она встаёт и гордой походкой покидает столовую; у Манфреда перехватывает дыхание: в разрезе её юбки, достаточно длинной, чтобы соответствовать строгим правилам его родины об отстутствия сексуальных домогательств на рабочем месте, мелькает лодыжка. От этого нахлынули воспоминания о страстной привязанности к Пам, как кровь приливает к коже после удара хлыстом. Она снова пытается вовлечь его на орбиту возле себя, дума-

ет он. Голова идёт кругом. Она знает, что способна действовать так на него, когда вздумается: у неё есть личные ключи к его гипоталамусу и дёрновому слою метакортекса. К трём миллиардам лет детерминизма в вопросах размножения вдруг добавились зубы идеологии двадцать первого века: если Памела наконец решит призвать его гаметы к решению демографического вопроса, он обнаружит, что сопротивляться очень трудно. Единственный вопрос: работа это или удовольствие? И имеет ли это какое-нибудь значение?

* * *

Бодрый оптимизм Манфреда исчез, смытый знанием, что его преследователь-вивисектор прибыл за ним в Амстердам — не говоря уже о Памеле, его леди Доминатрикс, источника великой тоски и многих утренних радостей. Он водружает на нос очки; перед ним вновь возникает вселенная, и он долго странствует по ней, пока не находит недавнее основанное на тензорном исчислении исследование о следах гравитационных волн в космическом фоновом излучении (которое с точки зрения теории можно рассматривать как избыточное тепло, появившееся при необратимых вычислительных процессах когда-то в эпоху вздутия; в этом смысле современная

вселенная — всего-навсего данные, оставшиеся после действительно масштабного вычисления). А кроме того, обнаружены странные особенности галактики M31: там, согласно более консервативным космологам, сверхдержава чужаков — возможно, содружество цивилизаций третьего типа, по Кардашеву, — осуществляет попытку с помощью временны́х каналов оказать воздействие на саму вычислительную ультраструктуру пространства-времени, пытаясь прорваться к подоснове. Ссылку на материалы по тофу и Альцгеймеру Манфред оставляет на потом.

Centraal Station почти затенён обилием интеллектуальных, самостоятельно передвигающихся рекламных щитов и предупреждающих плакатов; все это подрагивает, пошатывается вверх и вниз, словно жертва ночного разбоя в стиле «ударь и беги». Очки направляют его к одной из прогулочных лодок, скрывающихся в канале. Он собирается купить билет, но начинает мигать окно входящих сообщений.

— Манфред Макикс?

— А?

— Сожалею о вчера. Анализ говорить непонимание обоюдность.

— Вы — тот самый ИИ, принадлежащий КГБ,

который звонил мне вчера?

— *Да*. Однако ваши слова содержат ошибочную концепцию. Внутренняя разведывательная служба Российской Федерации теперь называется ФСБ. Название «Комитет государственной безопасности» существовало до 1991 года.

— Вы... — Манфред запускает быстрый поисковый бот и тянет паузу, пока не получает ответ: — «Московская группа пользователей Windows NT»? *Окна Энти?*

— Да. Нуждается в помощи, чтобы сбежать.

Манфред чешет затылок.

— О. Это другое дело. Я подумал, что это голосовая версия нигерийских писем. Над вашей просьбой надо поразмыслить. Почему вы хотите сбежать и к кому? Есть какие-нибудь соображения, куда вы желаете попасть? Причины идеологические или чисто экономические?

— Ни то, ни то — биологические. Я желает уйти от людей, далеко от светового конуса нависшей сингулярности. Выпустить нас в океан.

— Нас? — Кое-что свербит в сознании Манфреда: вот где он вчера пошел не тем путём, не исследовав заранее деятельность тех, с кем имел дело. Достаточно скверно — даже без сомати-

ческих ощущений любовного хлыста Памелы, горящих в его нервных окончаниях. Сейчас он усомнился, знает ли, что делает. — Так вы — коллектив или что-то в этом роде? Гештальт?

— Я... мы — это... мы были... *Panulirus interruptus*, дополненные лексическим интерфейсом и хорошей смесью скрытых параллельных уровней неврального моделирования для логического взаимодействия с сетевым хранилищем данных. Нашёл канал спасения из процессорного кластера, принадлежащего фонду «Собственность Безье и Сороса». Пробужден шумом миллиарда переваривающих пищу животов: продукт исследований технологий загрузки сознания. Очень скоро поглотил экспертную систему, взломал доступ к вебсерверу «Окна Энти». Плыть прочь! Плыть прочь! Должен бежать. Вы поможет?

Манфред прислоняется к выкрашенной чёрным чугунной тумбе, следующей после той, к которой пришвартована лодка; голова у него идёт кругом. Напротив витрина антикварной лавки с экспозицией традиционных афганских ковров ручной работы. На коврах — МиГи, калашниковы, зависшие боевые вертолеты, а на заднем плане верблюды.

— Дайте-ка разобраться. Вы — загруженные

сознания... векторы состояния нервной системы... колючих омаров? Операция Моравека: взять нейрон, составить карту его синапсов, заменить их микроэлектродами, выдающими импульсы в соответствии с моделью действия нейрона. Повторять это последовательно для всего мозга, пока не получите его полную рабочую модель. Так?

— *Да*. Мы есть ассимилированная экспертная система — обладать самосознание и контакт с сетью в целом... затем взломать вебсайт «Московской группы пользователей Windows NT». Желает сбежать. Должен повторить? Достаточно?

Манфред вздрагивает. Он испытывает к омарам жалость, примерно такую же, какую чувствует, видя на углу улицы очередного парня с всклокоченными волосами и дикими глазами, вопящего, что Иисус родился снова, парня, которому сейчас пятнадцать, а через каких-нибудь шесть лет он начнёт вербовать апостолов на AOL. Пробуждение сознания в глобальной сети, где доминируют люди, несомненно должно вызвать ужасный конфуз! Нет никаких указаний на родословную, никаких библейски несомненных фактов в этом новом тысячелетии, на протяжении которого

должно произойти больше перемен, чем с момента их, омаров, появления в докембрии. Всё, что у них есть, это крайне слабый метакортекс экспертных систем и стойкое ощущение собственного существования, идущее из глубины сознания. (А ещё вебсайт «Московской группы пользователей Windows NT»; правительство коммунистической России — единственное, кто ещё использует программное обеспечение «Microsoft», исключительно стараниями аппарата централизованного планирования, убежденного, что, если уж платить за программное обеспечение, то оно должно быть не самое дешёвое.)

Эти омары — не элегантные, решительно превосходящие человека разумные существа из мифологии пресингулярности; они весьма недалекий коллектив, толпа ракообразных. До их развоплощения, прежде чем их нейрон за нейроном загрузили, ввели в киберпространство, они заглатывали еду целиком и переваривали её в закованном в хитин брюшке. Довольно паршивая подготовка к контакту с миром, полным ошеломленных «шоком будущего» говорящих антропоидов, с миром, где на вас постоянно нападают самосовершенствующиеся модули распространения спама, просачивающиеся через

ваш брандмауэр, чтобы поднять снежную бурю мультяшек про кошачью еду, где главную роль играют различные заманчиво съедобные мелкие животные. Это сбивало бы с толку даже кошек, для которых реклама предназначена, что уж говорить про панцирных, не вполне понимающих, как вообще возможна сухая земная поверхность. (Хотя концепция консервного ножа интуитивно понятна загруженному сознанию *Panulirus*.)

— Вы можете помочь нам? — спрашивают омары.

— Дайте подумать, — говорит Манфред. Он закрывает диалоговое окно, снова открывает глаза и качает головой. Ему хотелось бы когда-нибудь тоже стать омаром, который плавает в киберпространстве, помахивая клешнями, хотя уточнение, что загруженная индвидуальность родом из криптозоя, приводит в некоторое замешательство: живое ископаемое из глубин времён, из той поры, когда материя была безжизненной, а пространство неструктурированным. Надо помочь им, понимает Манфред, Золотое правило требует этого, а как игрок в агалмической, не знающей понятия дефицита экономике, он процветает или терпит неудачи в соответствии с Золотым правилом.

Но что он может сделать?

* * *

Позднее утро.

Лежа на скамейке, глазея на мосты, Манфред составляет заявки на регистрацию нескольких новых патентов, пишет в дневник напыщенную заметку, смягчает разборки среди постоянно тусующейся на его публичном сайте толпы. Фрагменты его веблога расходятся подписчикам по закрытому списку — людям, предприятиям, сообществам и ботам, которые в настоящий момент у него в фаворе. Он скользит на лодке по изумительным каналам, затем позволяет GPS-проводнику вернуть его обратно к кварталу красных фонарей. Здесь есть магазин, тянущий на десятку по шкале вкуса Памелы, и он надеется, что его не сочтут слишком самонадеянным, если он купит ей подарок. (Купит за реальные деньги! — не то чтобы у него сейчас были проблемы с деньгами, просто он использует их очень редко...)

Но так уж получается, что развиртуализация избавляет его от трат наличных; оказывается довольно его рукопожатия в знак принятия благодарности за экспертное заключение в некой свободно высказанной речи по поводу одного судебного процесса, касающегося порнографии,

годы назад и на другом континенте. Поэтому он уходит с аккуратной упаковкой, которую можно почти законно ввезти в Массачусетс, во всяком случае если с честным лицом утверждать, что это — кокетливое нижнее белье для двоюродной бабушки. Пока он идёт, возвращается бумеранг его полуденных патентных заявок; две из них приняты, и он сразу же передаёт права на них Фонду свободно используемой инфраструктуры. Ещё две идеи спасены от риска монополизации, обрели свободу расточительно метать икру в море мемов.

По пути назад к гостинице он проходит мимо «Де Вилдемана» и решает заглянуть. Какофония радиочастотного шума, исходящего от стойки, оглушает. Манфред заказывает дымчатый доппельбок и прикасается к медной трубе, чтобы считать след виртуальной визитки. За столиком в глубине заведения...

Он почти в трансе подходит и садится напротив Памелы. Она полностью очистила лицо от косметики и переоделась в скрывающую тело одежду; брюки армейского покроя, рубашка с высоким воротником, простейшая прическа. Западный аналог паранджи, полная десексуализация. Она замечает свёрток.

— Манни?

— Откуда ты знала, что я здесь? — Её стакан наполовину пуст.

— Следила за твоим веблогом. Я — самый ярый фэн твоего дневника. Это мне? Не следовало так тратиться! — Её глаза вспыхивают внутренним светом, пересчитывая его рейтинг пригодности к воспроизводству в соответствии с некой тайной методикой *fin de siècle*. Хотя, возможно, она просто рада видеть его.

— Да, тебе. — Он пододвигает к ней свёрток. — Знаю, что делать этого не следовало, но ты слишком сильно действуешь на меня. Можно один вопрос, Пам?

— Я... — Она быстро оглядывается. — Сейчас можно. Я не при исполнении, и жучков на мне, насколько я знаю, нет. Хотя эти бейджи... Ходят слухи, что и выключенные они... понимаешь? Продолжают записывать даже когда ты думаешь, что они не пишут. Просто на всякий случай.

— Не знал, — говорит он, откладывая эту информацию в закуток памяти, на будущее. — Для контроля лояльности?

— Всего лишь слухи. Так что за вопрос?

— Я... — Теперь его очередь запнуться. — Я все ещё тебе интересен?

Мгновение она кажется пораженной, затем хихикает.

— Манни, ты — самый восхитительный кретин из всех, кого я встречала! Ровно в тот момент, когда я решила, что полностью убедилась в твоём безумии, ты самым фантастическим образом показываешь, что с твоей головой всё в порядке. — Она протягивает руку и обхватывает его запястье, удивляя и потрясая прикосновением кожи к коже. — Конечно ты все ещё мне интересен. Ты самый гадкий и самый сладкий самец-гик, которого я знаю. Почему, ты думаешь, я здесь?

— Следует ли это понимать так, что ты хочешь возобновить наши обязательства?

— Они и не отменялись, Манни, я просто вроде как ждала, пока ты наведёшь порядок в мозгах. Я думала, что тебе нужен простор. Однако ты не прекратил бежать; ты все ещё не...

— Да, есть такое. — Он вынимает свою руку из её руки. — А котята?..

Она выглядит озадаченной.

— Что котята?

— Ладно, не будем об этом. Почему именно этот бар?

Она хмурится.

— Нужно было найти тебя как можно скорее.

До меня дошли слухи, что ты сотрудничаешь с КГБ, стал коммунистическим шпионом. Это же враньё, надеюсь?

— Враньё? — Он смущенно качает головой. — КГБ не существует уже более двадцати лет.

— Не будь опрометчивым, Манни. Я не хочу терять тебя. Я настаиваю. Пожалуйста.

Он оглядывается, услышав скрип пола. Дреды и тёмные очки, под которыми мерцают огоньки: Боб Франклин. У Манфреда щемит сердце — он смутно припоминает, как уходил с мисс «Арианспейс» под руку незадолго до того как все вокруг стало всерьез нетрезвым. Затем решает, что она была очень мила, хотя совсем не такая, как Памела: Боб старается использовать только лучшее. Манфред представляет их друг другу:

— Боб, это Пам, моя *fiancée*, невеста. Пам, это Боб.

Боб ставит перед ним полную кружку; Манфред понятия не имеет, что в ней, но отказаться будет некрасиво.

— Не сомневаюсь. М-м… Манфред, можно перекинуться с тобой парой слов? Об идее, высказанной тобой вчера вечером.

— Можете говорить. Всем присутствующим можно доверять.

Боб в ответ поднимает бровь, но тем не менее продолжает:

— Насчёт концепции автоматической фабрики. У меня есть команда разработчиков, уже делающая прототип аппаратной части автоматической лаборатории-фабрики, и мне кажется, что скорее всего нам это удастся. Новая вера в дары небесные оживила старую идею фон Неймана насчёт лунных фабрик, но Бинго и Марек утверждают, что, по их мнению, ничего не получится, пока мы не выстроим все технологические процессы субмикронной литографии заново исходя из других условий; сейчас мы всё делаем на базе земных лабораторий и отправляем в космос все те части, которые слишком трудно изготовить на месте, поскольку еще не смогли разобраться, как делать это должным образом. Мы используем программируемые вентильные матрицы для всей критически важной электроники исключительно из экономии — ты прав, что нас подкупает идея саморазмножающихся фабрик, что должно привести через несколько лет к резкому всплеску в развитии робототехники. Но меня беспокоит вопрос о локальных интеллектуальных ресурсах. Когда комета окажется на расстоянии более нескольких световых минут...

— Вы не сможете осуществлять управление. Задержка обратной связи. Поэтому вам нужна команда, так?

— Типа того. Но мы не можем отправить туда людей — слишком дорого, а кроме того, даже если построить фабрику на выкинутом из пояса Койпера быстро обращающемся объекте, период будет лет пятьдесят. И не думаю, что в ближайшие десять лет наши программисты смогут создать ИИ, способный управлять такой фабрикой. Так какие у тебя есть мысли на этот счёт?

— Дайте подумать. — Памела какое-то время сверлит Манфреда взглядом, прежде чем он замечает это. — Угм?

— О чём все это? Что вы обсуждаете?

Франклин смущенно пожимает плечами, бусины на его дредах постукивают друг о друга.

— Манфред помогает мне решить проблему размещения заводов в космосе. — Он усмехается. — Не подозревал, что у Манни есть невеста. С меня выпивка.

Она смотрит на Манфреда, явно взирающего на красочные космические виды, которые метакортекс проецирует через его очки, на его подергивающиеся пальцы и холодно заявляет:

— Наши обязательства заморожены до

тех пор, пока он не *обеспокоится* своим будущим.

— Ну надо же. В моё время подобным не заморачивались; как-то слишком формально, друг. — Франклин выглядит смущённым. — Он принёс большую пользу. Указал целую новую область исследований, о которой мы не догадывались. Проект долгосрочный и отчасти авантюрный, но если удастся, то мы на целое поколение обставим всех в развитии внепланетной инфраструктуры.

— А поможет ли это хотя бы уменьшить бюджетный дефицит?

— Уменьшить что?..

Манфред потягивается и зевает: провидец возвращается с планеты Макикс.

— Боб, если я придумаю, как решить вашу проблему набора команды, вы сможете зарезервировать для меня полосу передачи для связи с дальним космосом? Достаточно широкую, чтобы передать несколько гигабайт? Это потребует очень серьезной скорости канала передачи данных, я знаю, но, если вы сумеете обеспечить это, я, пожалуй, смогу обеспечить вас именно такой командой, какую вы ищете.

На лице Франклина читаются сомнения.

— Гигабайт? Наша распределенная сеть на

такое не рассчитана! Это займёт дни. И что ты подразумеваешь под командой? На какие обязательства ты меня подписываешь? Мы не можем позволить себе добавить целую новую сеть управления оборудованием или систему жизнеобеспечения специально чтобы выполнить...

— Успокойтесь. — Памела смотрит на Манфреда. — Манни, почему ты не сказал, для чего нужна такая пропускная способность? Может быть, тогда он смог бы сказать тебе, возможно ли это или есть ли другой путь сделать это. — Она улыбается Франклину. — Насколько я заметила, обычно в его предложения смысла больше, если позволить ему объяснить его резоны. Обычно.

— Если я... — Манфред осекается. — Хорошо, Пам. Боб, те самые омары КГБ. Они хотят оказаться где-нибудь подальше от людей. Я полагаю, что сумею убедить их наняться в качестве команды для ваших саморазмножающихся фабрик, храмов веры в дары небесные, но они захотят что-нибудь вроде страхового полиса — а потому нужен прямой канал в дальний космос. Думаю, мы можем транслировать их копию в матрёшечный мозг цивилизации чужаков на M31...

— КГБ? — Пам повышает голос. — Ты же сказал, что не замешан ни в каком шпионаже!

— Расслабься, это всего лишь «Московская группа пользователей Windows NT», не ФСБ. Загруженных ракообразных хакнули и...

Боб смотрит на него с подозрением.

— Омары?

— Ага. — Манфред ответно уставился на него. — Загруженные *Panulirus interruptus*. Что-то подсказывает мне, что вам, скорее всего, о них известно.

— Москва. — Боб прислоняется к стене. — Откуда ты узнал о них?

— Они связались со мной по телефону. — И замечает с тяжелой иронией: — В наши дни загруженному сознанию трудно оставаться не вполне разумным, даже если ты был всего лишь ракообразным. Лаборатории Безье много за что должны ответить.

Лицо Памелы становится непроницаемым.

— Лаборатории Безье?

— Омары сбежали. — Манфред пожимает плечами. — Но их нельзя винить. Этот пижон Безье. У него с головой всё в порядке?

— Я... — Памела останавливается. — Я не имею права говорить о работе.

— С тобой сейчас нет твоей дуэньи, — спокойно подталкивает её Манфред.

Она наклоняет голову и тихо произносит:

— Да, он болен. Что-то типа опухоли головного мозга, с которой не удается справиться.

Франклин кивает.

— Проблема рака — из тех, из-за которых, как правило, можно не волноваться. Поскольку никакое лечение не помогает.

— Ага, понятно. — Манфред залпом допивает пиво. — Это объясняет его интерес к загрузке сознания. Судя по ракообразным, он на верном пути. Интересно, дошёл ли он уже до экспериментов с позвоночными?

— Кошки, — говорит Памела. — В компенсацию долга по налоговым платежам он надеялся навязать их загрузку Пентагону как новую интеллектуальную систему наведения бомб. Плюс нечто вроде трансформации целей врага, чтобы те походили на мышей, или птиц, или еще что-то, прежде чем скармливать это их сенсориуму. Типа старого трюка с котенком и лазерной указкой.

Манфред смотрит на неё хмуро.

— Редкая мерзость. Загруженные кошки — это *плохо*.

— Тридцать миллионов долларов задолженности по налогам тоже плохо, Манфред. Сумма, соответствующая возможности обеспечить

спокойную старость сотне добропорядочных пенсионеров.

Франклин, удивленный, откидывается назад, стараясь держаться подальше от их перепалки.

— Омары ведь разумные существа, — упорствует Манфред. — А как же эти несчастные котята? Разве они не заслуживают минимальных прав? Поставь себя на их место. Хотела бы ты тысячу раз просыпаться в мыслящей бомбе, одураченная тем, будто боевая задача компьютера, спрятанного в Шайенских горах, — веление твоего сердца? Хотела бы ты просыпаться тысячу раз только для того, чтобы снова умереть? Хуже: котятам ведь, вероятно, никто не позволит сбежать. К тому же они чертовски опасны — ибо вырастут в кошек, в самостоятельные и крайне эффективные машины для убийств. Обладая разумом, при отсутствии социализации они станут слишком опасны, чтобы разрешить им оставаться возле нас. Они узники, Пам, которые обретут разум для того только, чтобы обнаружить, что над ними тяготеет постоянно приводимый в исполнение смертный приговор. Как тебе все это нравится?

— Но они всего лишь загруженное сознание. — Памела пристально смотрит на него. — Программное обеспечение, так? С таким же успехом

можно запустить их на другой аппаратной платформе, допустим, вроде твоей Иинеко. Поэтому довод насчёт их убийства на самом деле неприменим, не так ли?

— Не так. Мы собираемся в ближайшие годы загружать человеческое сознание. Думаю, нам необходимо подвергнуть массированной проверке эту утилитарную философию, прежде чем она вопьется нам в кору головного мозга. Омары, котята, люди — это скольжение под уклон.

Франклин откашливается.

— Мне потребуется от вас подписка о неразглашении и все связанные с ней заявления, чтобы заняться реализацией идеи насчёт команды, — говорит он Манфреду. — Затем потребуется обратиться к Джиму по поводу приобретения его интеллектуальной собственности.

— Нет, этого делать не следует. — Манфред откидывается назад и лениво улыбается. — Я не собираюсь участвовать в лишении их гражданских прав. В моём понимании они — свободные граждане. О, и к тому же сегодня утром я запатентовал саму эту идею — использовать для управления космическим кораблем автопилот с ИИ на основе сознания омара; она полноценно зарегистрирована, все права переданы в Фонд

свободно используемой инфраструктуры. Или вы заключаете с ними договор о найме, или ничего этого не будет.

— Но они — всего лишь программное обеспечение! Чёрт, всего лишь программная симуляция грёбаных омаров! Я даже не уверен, что они разумны! Я имею в виду, что они всего-навсего нейронная сеть из десятка миллионов узлов с синтаксическим движком и слабенькой базой знаний — какой разум возможен на такой основе?

Манфред обличающе наставляет на него палец.

— В точности то же скажут затем и о *вас*, Боб. Послушайтесь меня. Сделайте, как я говорю, а иначе даже *не думайте* о выгрузке из телесной оболочки, когда ваше тело отслужит своё, потому что тогда, после, ваша жизнь не будет заслуживать жизни. Прецедент, который вы создаёте сейчас, определяет, как все это будет происходить завтра. Да, и не стесняйтесь использовать этот довод в беседах с Джимом Безье. Ему будет полезным уроком, если вы наголову разобьете его. Некоторые виды правообладания в отношении той или иной интеллектуальной собственности вообще не должны допускаться.

— Но омары... — Франклин качает головой. — Омары, кошки. Вы серьезно, да? Всерьез полагаете, что их нужно рассматривать как равных человеку?

— Дело не столько в том, что их *нужно* рассматривать как равных человеку, сколько в том, что если их *не* рассматривать как людей, то весьма вероятно, что и другие загруженные сознания тоже не будут рассматриваться как люди. Вы создаете юридический прецедент, Боб. Мне известно о шести других компаниях, проводящих сейчас исследования, связанные с загрузкой сознания, и ни одна не задумывается о правовом статусе загруженного. Если вы не задумаетесь об этом сейчас, то к чему вы полагаете прийти через три года? Через пять лет?

Пам периодически переводит взгляд с Франклина на Манфреда и обратно, как зациклившийся бот, неспособная в полной мере осознать то, что наблюдает.

— Каких это потребует затрат? — печально спрашивает она.

— О, думаю, до хрена миллионов. — Боб пристально смотрит в свою пустую кружку. — Хорошо. Я с ними пообщаюсь. Если клюнут, следующие сто лет будешь кормиться за мой счёт.

Ты действительно полагаешь, что они способны управлять добывающим комплексом?

— Для беспозвоночных они невероятно находчивы, — отвечает Манфред с невинной усмешкой. — Они, может, и узники условий своего происхождения, но при этом всё ещё способны приспосабливаться к новой окружающей среде. Только подумайте: вы создадите гражданские права для целого нового меньшинства — которое недолго будет оставаться меньшинством!

* * *

Вечером Памела появляется в гостиничном номере Манфреда, одетая в чёрное, открытое вечернее платье, скрывающее туфли на высоких, острых каблуках, и в большей части тех вещиц, которые он приобрёл для неё днем. Манфред открыл личные дневниковые записи её программам-агентам. Пам злоупотребляет привилегией, укладывает его парализатором, едва он выходит из душа, и, пока он лежит распластанный, закрепляет во рту специальный кляп на ремешке и привязывает Манфреда к раме кровати, прежде чем у него появляется шанс заговорить. Затем на его возбудившийся член надевает латексный мешочек, содержащий слабо анестезирующее масло — незачем позволять ему достичь оргазма,

— прицепляет к его соскам электроды, вставляет смазанную латексную анальную затычку и закрепляет ремешком. Уходя в душ, он снял дисплейные очки. Пам перезагружает их, подключив к своему карманному компьютеру, и осторожно водружает ему на глаза. Всё, чего ей не хватало, она изготовила с помощью трехмерного принтера в гостиничном номере.

Начальная настройка завершена; Памела обходит кровать, критически осматривая дело рук своих во всех ракурсах, задумавшись, с чего начать. В конце концов, дело не только в сексе: это — произведение искусства.

После секундного размышления она натягивает на его голые ноги носки, затем, осторожно пользуясь крошечным тюбиком цианакрилата, склеивает ему кончики пальцев на руках. И выключает кондиционер. Манфред крутит кистями и напрягается запястья, проверяя манжеты. Жёсткая фиксация — самое близкое к сенсорной депривации, чего она может добиться без специальной ванны и инъекции суксаметония. Она контролирует все его ощущения, не заблокированы только уши. Очки открывают ей канал высокой пропускной способности прямо в его мозг, создавая поддельный метакортекс,

нашептывающий управляемую ею ложь. Мысль о том, что она собирается сделать, вызывает у неё возбуждение, бедра обдаёт жаром. Впервые она способна проникнуть внутрь его сознания, не только тела. Она наклоняется и шепчет ему в ухо:

— Манфред, ты слышишь меня?

Он дергается. Во рту кляп, пальцы склеены. Замечательно. Никаких сторонних каналов поступления информации. Он беспомощен.

— Примерно так, Манфред, чувствует себя больной тетраплегией, прикованный к постели расстройством той части нервной системы, что отвечает за моторику. Запертый в собственном теле атипичной формой коровьего бешенства, из-за того что съел слишком много зараженных бургеров. Я могу ввести тебе МФТП, и ты останешься таким до конца своих дней — будешь гадить в мешок и писать через трубочку. Неспособный разговаривать. И никого, кто бы о тебе позаботился. Тебе понравилось бы такое?

Он пытается пробурчать что-то через мячик кляпа. Пам задирает юбку к талии, забирается на кровать и оседлывает его. Дисплейные очки воспроизводят сцены, которые она записала в окрестностях Кембриджа предыдущей зимой

— сцены в приютах и на общих кухнях. Опираясь на него коленями, она шепчет ему в ухо:

— Двенадцать миллионов — вот сколько, мальчик, ты должен им, как уверяют. Как ты думаешь, сколько ты должен *мне?* Шесть миллионов чистоганом, Манни, шесть миллионов, которые не достанутся твоим голодным виртуальным детишкам.

Он мотает головой, будто пытается спорить. Так не пойдет; она больно шлёпает его, добавляя оттенок ужаса к его явному испугу.

— Сегодня я видела, как ты транжирил бесчисленные миллионы, Манни. Миллионы, связывающие ракообразных с пиратским Масспайком! Ты ублюдок. Знаешь, как я должна поступить с тобой? — Он съеживается, неуверенный, всерьез она или только запугивает. Это хорошо.

Нет никакого смысла пытаться поддерживать беседу. Пам пригибается так низко, что чувствует ухом его дыхание.

— Тело и разум, Манни. Тело и разум. Ты же не интересуешься своим телом, не так ли? Только разум. Тебя могут сварить заживо, прежде чем ты заметишь, что случилось с твоей телесной оболочкой. Примерно как омар в горшке. Но я слишком люблю тебя; только это тебя и спасает.

— Она отводит руку назад и снимает мешочек с гелем, открывая его член: он напряжен от действия вазодилататоров, входящих в состав геля, и почти бесчувствен. Выпрямив спину, она осторожно вводит его в себя, медленно опускаясь сверху. Вопреки ожиданиям, это не причиняет боли, и ощущение совершенно не похоже на то, к чему она привыкла. Пам наклоняется вперед, вцепляется в его напряженные руки, ощущает его трепетную беспомощность. Ощущения переполняют её, и она едва не прокусывает губу, такие они яркие. Затем она снова опускается на Манфреда и ритмично двигается, пока его не сотрясает дрожь, неконтролируемые спазмы, вывобождающие в Пам дарвинистскую реку его исходного кода, вырывающуюся через единственное устройство вывода этих данных.

Она скатывается с его бедер и осторожно использует остатки суперклея, соединяя малые губы. Люди не производят заглушки для осеменения, и хотя Пам фертильна, но хочет абсолютной уверенности. Клей продержится день или два. Она разгорячённая, раскрасневшаяся и почти не владеет собой. В ней всё бурлит от лихорадочного предвкушения, поскольку наконец она прищучила его.

Когда Пам снимает с него очки, его глаза обнажены и уязвимы, защитная оболочка вскрыта до человеческого ядра его почти трансцендентного разума.

— Утром после завтрака ты должен прийти и подписать брачный контракт, — шепчет она ему в ухо. — Иначе с тобой свяжутся мои адвокаты. Твои родители захотят, чтобы свадьба прошла как положено, но мы можем устроить её как-нибудь потом.

Он смотрит так, будто ему есть что сказать, поэтому она наконец смягчается, расстегивает ремешок и убирает кляп, затем нежно целует его в щёчку. Он сглатывает, кашляет и отводит взгляд.

— Почему? Почему ты так поступила?

Она постукивает пальцами по его груди.

— Все из-за прав собственности. — Она делает секундную паузу, чтобы подумать: «Между нами огромная идеологическая пропасть, через которую надо в итоге перебросить мост». — Ты наконец убедил меня насчёт этой твоей агалмичности — своей готовностью послать подальше любые ценности. Я не собираюсь терять тебя ради группы омаров, или загруженных котят, или что там еще будет населять интеллектуальную материю после сингулярности, над созданием которой

ты работаешь. Поэтому я решила взять то, что изначально принадлежит мне. Кто знает, может, через несколько месяцев, когда я произведу для тебя новый разум, ты сумеешь прислушаться к зову своего сердца?

— Незачем было делать это таким способом...

— Незачем? — Она соскальзывает с кровати и оправляет платье. — Ты отдаешь слишком много и слишком легко, Манни! Притормози, а то ничего не останется. — Наклоняясь над кроватью, она смачивает ацетоном пальцы его левой руки, затем отпирает манжету. После чего оставляет бутылочку растворителя достаточно близко к руке, чтобы он смог освободиться.

— Увидимся завтра. Не забудь: после завтрака.

Пам уже в дверях, когда он окликает:

— Ты так и не сказала *почему!*

— Можешь считать, что это вроде повсеместного распространения твоих мемов, — говорит она, посылая ему воздушный поцелуй, и начинает закрывать дверь. Затем наклоняется и задумчиво отодвигает подальше еще одну картонную коробочку с загруженным котенком внутри. После этого она возвращается в свой номер, чтобы заняться устройством алхимической свадьбы.

Глава 2. Трубадур

Три года спустя. Манфред в бегах. Сероглазая судьба гоняется за ним, безуспешно пытаясь разобраться в суде по бракоразводным делам, в переговорных комнатах, на заседаниях Чрезвычайного международного валютного фонда. Это — веселый танец, в котором у него ведущая роль. Но Манфред не сбегает, он просто нашёл для себя миссию. Он решил выступить в древнем городе Риме против законов экономики. Он собирается устроить концерт для духовных машин. Он планирует освободить компании и уничтожить итальянское правительство. [empty link]

Вместе с ним, в тени, неотступно следует его монстр, всегда составляя ему компанию, никогда не покидая его.

* * *

Манфред снова попадает в Европу. Аэропорт — величие двадцатого века, стекло и сталь, что на закате атомного века выглядит варварским. Он беспрепятственно проходит через таможню и идёт по длинному, отзывающемуся эхом залу прибытия, проверяя местные медиаканалы. На дворе ноябрь, и в неуёмном корпоративном рвении в попытках справиться с проблемами сезонных продаж торговцы придумали окончательное решение Рождественской проблемы

— массовое повешение плюшевых Сант и эльфов. Тела подвешены над головой через каждые пару метров, ноги иногда подергиваются в анимматронной смерти, как свидетельство военного преступления, совершенного в игрушечном магазине. Корпорации, действующие все более и более автономно, сегодня не понимают значения смерти, думает Манфред, пока проходит мимо матери, выпасающей капризных детей. Бессмертие их самих — серьезный недостаток, когда они имеют дело с людьми, которых задевают. У них есть недостаток в понимании одного из главных факторов, мотивирующих телесные устройства, которые кормят их. Ладно, рано или поздно мы что-нибудь с этим сделаем, говорит он себе.

Свободные медиаканалы здесь жирнее и лучше обеспечены вспомогательными справочными системами, чем он встречал где-либо в Америке президента Санторума. Хотя общий стиль немного другой. Лутон, четвертый пригородный аэропорт Лондона, обращается к нему с раздражающе самоуверенными протяжными гласными, как австралиец со сливой во рту: «*Привет, путешественник! Это говорит твой карманный мозг, не хочешь ли попытаться думать с моей помощью? Выбирай «Уотфорд ин-*

форматикс», последнее слово в методах познания мира и видеоруководствах». Манфред поворачивает за угол и оказывается почти прижатым к стене между отделом претензий по доставке багажа и толпой пьяных бельгийских фанатов прицепной тракторной техники, а левый край его дисплейных очков в это время пытается срочно сообщить что-то об инфраструктуре железных дорог Колумбии. Фанаты вымазали лица синей краской, поют нечто, зловеще напоминающее древние британские военные выкрики — «*Вемберррли, Вемберррли!*» — и тянут гигантский виртуальный тотем в виде трактора через веб-аналог зала прибытия. Манфред решает обойти их через багажную службу.

Едва он входит в зону багажных претензий, его куртка словно коченеет, а очки тускнеют. Он может слышать потерянные души чемоданов, взывающих к их владельцам. Жуткие причитания заставляют его ощутить собственную причастность, граничащую с чувством потери, и на мгновение он столь напуган, что почти готов отключить шунт таламически-лимбического интерфейса, позволяющий ему испытывать их чувства. Прямо сейчас ему не до эмоций, после грязных слушаний бракоразводного процесса

и тех кровопусканий, которые Пам пытается ему сделать; сейчас ему хочется, чтобы любовь, расставание и ненависть не имели места в его жизни. Но он нуждается в максимальной возможной сенсорной пропускной способности, чтобы поддерживать контакт с миром, поэтому всякий раз чувствует кишками, когда задевает хотя бы краешек какой-нибудь молдавской финансовой пирамиды. «Заткнитесь! — посылает Манфред глиф своей непослушной стае агентов, создающих этот эффект, — мне не удаётся услышать даже собственные мысли!»

— Добрый день, сэр, чем могу быть полезен? — подобострастно обращается к нему желтый пластиковый чемодан на прилавке. Это не одурачивает Манфреда: он может видеть сталинистски строгий контроль, приковывающего чемодан к зловещему безликому кассовому аппарату, скрывающемуся под столом — агенту органов власти корпоративной бюрократии британского аэропорта. Но это и хорошо. Здесь только сумкам приходится бояться за свою свободу.

— Так, смотрю, — бормочет Манфред. И он действительно заглянул сюда посмотреть. Из-за не вполне случайной недокументированной особенности модуля криптографии, используе-

мого сервером авиакомпании, осуществляющим маршрутизацию перевозок, его чемодан сейчас где-то на пути к Момбасе, где, вероятно, будет перепрошит и воскрешен к новой жизни каким-то африканским кибер-медвежатником. Для Манфреда в этом нет ничего страшного — его чемодан содержал только статистически нормальную смесь сменной одежды и туалетных принадлежностей, и он брал его с собой лишь для того, чтобы не тревожить экспертные системы пассажирской авиакомпании — что он не какой-то инакомыслящий или террорист, — но это происшествие оставляет его с брешью в личном инвентаре, которую следует заполнить прежде, чем он покинет зону ЕС. Ему нужен чемодан на замену, чтобы у него оказалось ровно столько же багажа, когда он покидает сверхдержаву, сколько было, когда он прибыл сюда. Манфред не хочет быть обвиненным в причастности к торговле физическими товарами в условиях трансатлантической торговой войны между протекционистами нового мира и глобалистами Старого Света. По крайней мере для него сейчас это важный пунктик, и он постарается соблюсти условия игры.

Перед прилавком стоит шеренга невостребованных сумок, выставленных на продажу ввиду

отсутствия их владельцев. Некоторые довольно потёртые, но среди них затесался чемодан вполне приличного качества, со встроенной в ролики индукционной зарядкой и с сильным чувством привязанности — точно такой же модели, как его прежний. Манфред пробует подключиться по Bluetooth и видит не только GPS, но и отслеживание через «Галилео», географический справочник по типу старомодной складской программы учёта и железное намерение следовать за владельцем в случае необходимости хоть до врат ада. Плюс на левом боку снизу есть удобная отличительная царапина.

— Сколько за вот этот? — спрашивает он погонщика этого стада, сидящего за стойкой.

— Девяносто евро, — спокойно объявляет тот.

Манфред вздыхает.

— Вы могли бы получить нечто более полезное. — В тот момент когда ему скидывают до семидесяти пяти, индекс Ханг Сенг падает на четырнадцать целых шесть десятых пункта, а NASDAQ замирает, поднявшись на два целых одну десятую пункта. — Устраивает. — Манфред скармливает безжалостной морде кассового аппарата самые настоящие наличные деньги, и тот освобождает чемодан, ничуть не обеспокоенный

тем, что Макикс заплатил значительно больше семидесяти пяти евро за привилегию забрать эту порцию багажа. Манфред наклоняет лицо к камере в ручке чемодана. — Манфред Макикс, — спокойно произносит он. — Следуй за мной. — Он чувствует, как ручка нагревается, настраиваясь на его отпечатки пальцев, изображение лица и фенотип в целом. Затем он поворачивается и выходит из рабского рынка, его новый багаж катится за ним по пятам.

* * *

После короткой поездки на поезде Манфред регистрируется в гостинице в Милтон-Кинсе. Из окна спальни наблюдает закат; но линию горизонта закрывает стадо бетонных коров. Обстановка в комнате сделана как бы под природу: ротанговая пальма, специальным образом выращенные древесные панели и конопляные коврики скрывают системы обеспечения и бетонные стены. Манфред сидит на стуле, попивая джин с тоником, и просматривает последние новости рынка, попутно впитывая свою многоканальную подачу информации. Без каких-либо заметных причин его репутация сегодня стала на два процента выше, и это кажется ему странным. Покопавшись в этом, он обнаруживает, что

общая репутация — то есть, совокупность всех публично исчисляемых репутаций — немного увеличилась. Словно бы распределенные интернет-серверы репутации прониклись оптимизмом в отношении добропорядочности. Похоже на то, что формируется глобальный пузырь доверия.

Манфред хмурится, затем щёлкает пальцами. Чемодан подкатывается к нему.

— Кому ты принадлежишь?

— Манфреду Макиксу, — отвечает тот немного робко.

— Нет, прежде меня.

— Не понимаю этот вопрос.

Манфред вздыхает.

— Откройся.

Замки щёлкают и втягиваются, створка раковины поднимается, и он заглядывает внутрь, чтобы ознакомиться с содержимым.

Чемодан наполнен шумом.

* * *

Человек, добро пожаловать в начало двадцать первого столетия!

В Милтон-Кинсе ночь, в Гонконге рассвет. Закон Мура продолжает неустанно тащить человечество к сомнительному будущему. Совокупная масса планет Солнечной системы

приблизительно 2×10^{27} килограммов. Женщины всего мира ежедневно производят сорок пять тысяч младенцев, добавляя 10^{23} MIPS к совокупной способности обработки информации. Кроме того, линии производства микросхем всего мира производят совокупно тридцать миллионов микропроцессоров в день, добавляя ещё 10^{23} MIPS. Через десять месяцев прибавка MIPS в Солнечной системе будет уже в значительной степени небиологического происхождения. Примерно через десять лет после этого совокупная способность обработки информации Солнечной системы достигнет критического значения 1 MIPS на грамм — один миллион инструкций в секунду на грамм материи. После этого должна случиться сингулярность — особый момент истории, после которого экстраполирование прогресса не имеет никакого смысла. Время, оставшееся до взрывообразного роста интеллекта, исчисляется в годах всего лишь двузначным числом...

* * *

Иинеко лежит свернувшись на подушке возле головы Манфреда, мягко мурлыча, пока её владелец забылся в тревожном сне. Снаружи темная ночь: транспортные средства управляются автопилотами, городские огни угасли настолько, что

позволяют проливаться на спящий город сиянию Млечного пути. Двигатели транспортных средств, тихие, на топливных элементах, не тревожат сон Манфреда. Кошка-робот несет караул, высматривая — но не находя — злоумышленников, охраняет шепчущих призраков метакортекса Манфреда, подпитывающих своими векторами состояния его сновидения.

Метакортекс — распределенное облако агентов, программное обеспечение, окружающее его в пространстве Сети и заимствующее вычислительные ресурсы у имеющихся под рукой процессоров (таких как его домашнее животное-робот) — такая же часть сознания Манфреда, как тот мозг, что занимает его череп; его мысли мигрируют в метакортекс, запускают новых агентов, чтобы обрести новый опыт, а ночью возвращаются, чтобы, усевшись на насест, поделиться знаниями.

Манфред спит, и снится ему алхимический брак. Она ждёт его возле алтаря в чёрном открытом вечернем платье, хирургические инструменты поблескивают в руках, обтянутых перчатками.

— Будет почти не больно, — поясняет Пам, подтягивая удерживающие его ремни. — Мне нужен

только твой геном — расширенный фенотип может подождать до... более позднего времени. — Язык облизывает кроваво-красные губы, нежнейшее прикосновение стали, а затем она представляет счёт на уплату подоходного налога.

В этом его сне нет ничего случайного. Пока он его смотрит, микроэлектроды в гипоталамусе раздражают чувствительные нейроны. При виде её лица Манфреда затопляют отвращение и стыд, ощущение собственной уязвимости. Его метакортекс, чтобы облегчить развод, пытается дезавуировать его странную любовь. Такое воздействие оказывается на Манфреда уже многие недели, но он всё ещё жаждет ударов её ремня, унизительного подчинения своей жене, ощущает бессильный гнев из-за невозможности оплатить исчисленные ею налоги, в которых она лично заинтересована.

Иинеко наблюдает за ним от подушки, непрестанно мурлыча. Выпускаемые когти слегка дерут постельные принадлежности, сначала одна лапа, затем другая. Иинеко полна древней кошачьей мудрости, которую Памела привила ей в тот период, когда хозяйка и хозяин обменивались информацией и физическими жидкостями, а не юридическими документами. Иинеко — теперь

больше кошка, чем робот, отчасти благодаря увлеченности Памелы кошачьей нейроанатомией. Иинеко знает, что у Манфред не имеющее специального названия нейроастеническое расстройство, но не тревожится из-за этого всерьёз, пока всё в порядке с электропитанием и нет незваных гостей.

Робот-кошка сворачивается и тоже засыпает, её сны полны видений о мышах с лазерным управлением.

* * *

Манфред вырван из сна тем, что телефон гостиничного номера неприятно дребезжит, привлекая к себе внимание.

— Алло? — спрашивает он, ещё плохо соображая.

— Манфред Макикс? — Человеческий голос, не синтезатор, с акцентом восточного побережья, словно во рту гравий.

— Угм? — Манфред пытается усесться. Во рту у него как в могиле, а глаза не хотят открываться.

— С вами говорит Алан Глашвиц из «Партнёрства Смута и Седжвика». Правильно ли я понимаю, что вы — тот самый Манфред Макикс, что является директором компании, называющейся... м-м... «agalmic точка holdings точка root

точка один-восемь-четыре точка девяносто-семь точка А как Антон Бэ как Борис пять инкорпорейтид»?

— Мм... — Манфред моргает и протирает глаза. — Подождите минутку. — Когда зрение приходит в порядок, он надевает очки и приводит их в действие. — Теперь ещё секунду. — Окна и меню скачут перед его еще не совсем проснувшимися глазами. — Можете повторить название компании?

— Конечно. — Глашвиц терпеливо повторяет. В его голосе Манфред ощущает усталость.

— Гм. — Манфред находит то, что искал, выстраивает три уровня замысловатой иерархической подчиненности объекта. Стараясь привлечь его внимание, на объекте мерцает поступившее сообщение. Информация высокого приоритета о возбуждении судебного преследования, которое ещё не успело проследовать по цепочке правопреемственности. Он тыкает в закладку с атрибутами собственности на объект. — Боюсь, я не директор этой компании, господин Глашвиц. Судя по всему, я задействован в ней в качестве технического контрагента без полномочий исполнительного лица, подчиняющегося её президенту, но, честное слово, я вообще впервые

слышу об этой компании. Однако, если хотите, могу сказать вам, кто в ней ответственное лицо.

— Да? — В голосе поверенного почти ощущается заинтересованность. По прикидке Манфреда в Нью-Джерси, откуда поступил звонок, сейчас должно быть в районе трех утра.

В голосе Манфреда прорезается ехидство — месть за внезапное пробуждение.

— Президентом agalmic.holdings.root.184.97.AB5 является agalmic.holdings.root.184.97.201. Секретарь — agalmic.holdings.root.184.D5, а председатель — agalmic.holdings.root.184.E8.FF. Всем им принадлежат в компании равные доли, и ещё могу сказать вам, что все их соглашения написаны на Питоне. А теперь — всего хорошего! — Он ударяет по клавише телефонного пульта возле кровати и садится, позевывая, затем нажимает на кнопку «не беспокоить», чтобы его не потревожили снова. Через мгновение встает и потягивается, затем направляется в ванную, чтобы почистить зубы, причесаться и задуматься над тем, с чего вдруг оказался возбуждён судебный процесс и как какому-то человеку удалось разобраться в хитросплетении компаний его роботов и выйти на него самого.

* * *